

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ДОМАШНИМИ ЖИВОТНЫМИ¹

Ольга Борисовна Ермолова

к. филол. н., зав. филиалом службы обеспечения дополнительных образовательных программ Учебного отдела по направлениям востоковедение, искусство и филология Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. o-ermolova@mail.ru

В процессе речевой деятельности человек вступает в контакт с различными коммуникантами, в том числе и не вполне стандартными. Подавая реплики такому нестандартному адресату, адресант не получает вербального ответа. Несмотря на это, подобное общение существует и достаточно часто встречается в разговорной речи. В лингвистике имеется ряд работ, посвященных этой тематике. Основные наблюдения, сделанные лингвистами, которые занимаются исследованиями в этой области, иллюстрируются в настоящей статье примерами из материалов одного из модулей Звукового корпуса русского языка – «Один речевой день» (ОРД). Главной задачей разработчиков при создании этого модуля было изучение речевого поведения носителя языка в течение дня с использованием методики 24-часовой записи. Таким образом появляется возможность получить представление о том, как строится общение представителей разных социальных (гендерных, возрастных, профессиональных и т.п.) групп на протяжении дня. В течение своего «речевого дня» информанты говорят с коллегами и друзьями, с учениками и учителями, с членами семьи и со случайными собеседниками на улице, в транспорте, в магазине, аптеке и т.д. В бытовом общении среди партнеров этих информантов встречаются кошки и собаки, растения и мебель, компьютеры и автомобили. В статье круг рассматриваемых нестандартных адресатов ограничивается домашними животными. Информанты, обозначенные в соответствии с шифром, принятым в ОРД (И04, И22, И24, И28, И35, И72), двое мужчин и четыре женщины, контактируют со своими домашними питомцами: пятью кошками и собакой. В числе прочего автором отмечаются речевые особенности одного и того же информанта, проявляющиеся в его общении со взрослыми людьми (собеседниками, коммуникантами), в сравнении с его разговорами с животными (партнерами). Подчеркивается сходство общения с животными и общения с детьми. Выявляются мотивы, стимулирующие речевые контакты с нестандартными партнерами.

Ключевые слова: звуковой корпус; разговорная речь; общение; ролевое поведение; разговоры с животными; разговоры с детьми; диалог; монолог; русский язык.

Введение

В повседневном общении человека выделяется сфера, в которой говорящий не получает и не может получить от собеседника полноценного ответа на вербальном уровне. Так выглядит, например, контакт с домашними животными, растениями, автомобилем, компьютером или предметами обихода. Нестандартность такого общения заключается в том, что говорящий не имеет возможности обмениваться репликами с адресатом. Такое общение нельзя считать полноценной беседой или разговором в полном смысле этого слова, и поэтому его участников правильнее назвать не собеседниками, а *партнерами*. Однако, несмотря на эту нестандартность, обще-

ние такого рода происходит достаточно регулярно. В настоящей статье из перечисленного ряда нестандартных партнеров рассматриваются только домашние животные.

Многие лингвисты, признанные специалисты в области изучения разговорного языка, уделяли внимание специфике речи человека при его общении с животными (см., например: [Ермакова 1988, 1998; Сиротинина 1999; Китайгородская, Розанова 1999; Байкулова 2008]). Несколько с других позиций, но также в связи с коммуникацией, эти проблемы волнуют биологов и филологов (см.: [Панов 1970; Каган 1988]).

О. П. Ермакова в статье «Речевой портрет собаки» отмечает, что изучение этой сферы обще-

ния человека может быть полезно для лучшего понимания некоторых функций человеческой речи [Ермакова 1998: 94]. С лингвистической точки зрения представляют интерес жанровые, стилистические, лексические, морфологические и прочие особенности такого общения. Каковы жанры разговоров человека с животным? Чем отличается (и отличается ли) лексический состав обращений к животному от обращений к человеку? Имеются ли другие специфические особенности общения человека с животным? В настоящей статье делается попытка найти ответы на все эти вопросы. Материалом для анализа и наблюдений стал Звуковой корпус русского языка «Один речевой день» (ОРД) (подробнее о нем см., например: [Баева 2014; Богданова-Бегларян и др. 2015]).

Жанровые характеристики общения с животными

Жанровая классификация общения человека с животными имеет свои особенности. Именно с позиций речевых жанров анализируют разговоры с животными М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова [Китайгородская, Розанова 1999]. Они считают, что общение с животными осуществляется в разных жанрах в зависимости от типа коммуникации: в целеориентированной коммуникации актуализируются прежде всего *монологические жанры* прескриптивного и апеллятивного характера (команда, замечание, запрет, выговор и др.); в ситуациях фатического характера имеет место *квазидialogическое взаимодействие*: прямой «речевой» контакт (животное в качестве ответных реплик подаёт звуковые сигналы или производит акциональные реакции) или *вербальный диалог*, когда говорящий сам озвучивает реакцию животного (цит. по: [Байкулова 2008: 15]).

В обращениях с апеллятивной функцией человек говорит непосредственно с животным, отдавая ему приказы и команды, ругая его или запрещая ему что-либо. Здесь мы имеем дело с монологической речью. Морфологической особенностью таких монологов можно считать частое употребление императивов разного типа:

- *кошка / иди вон // иди вон давай* (И72, жен., 24 г., руководитель среднего звена)²;
- *иди сюда / водичку пей // *П давай* (И72);
- *Дыма / пошёл / пошёл отсюда!* (И35, муж., 70 л., инженер-строитель);
- *не ругайся; сиди; живи тут; не толкай меня; брысь отсюда; лежать!* (разные информанты ОРД).

В ситуациях фатического характера в основном также встречается монолог:

- *Дымуленька! ты мой хороший! ты мой хорошенький! котик, котик мой хороший, красавец ты наш* (И35);
- *да / бежит меня провожать / моя хорошая // *П да(:) // пока / мой сладкий // пока / мой сладкий котёнок* (И72).

В статье «Разговоры с животными» О. П. Ермакова пишет, что монолог может быть обращен к животному, а может произноситься в расчете на некое третье лицо с целью привлечения внимания к себе, с целью завязать знакомство, наладить отношения с кем-то, с целью косвенного назидания, для самовыражения – демонстрации разного рода словесного творчества, остроумия или для выражения таких чувств и мыслей, которые трудно высказать «открытым текстом» [Ермакова 1988: 240–241].

Такое же наблюдение делает Д. Таннен в своей книге «Talking the Dog: Framing Pets as Interactional Resources in Family Discourse» («Разговор через собаку: использование домашних животных как средства взаимодействия в семейном общении») [Tannen 2015]. Автор исследует, как члены семьи используют своих домашних питомцев в качестве ресурса для общения. В частности, люди передают друг другу информацию, говоря ЗА животное: «Among the interactive goals that family members accomplished by using dogs as resources 'are occasioning a switch out of an argument frame; rekeying the interaction as humorous; buffering criticism; reinforcing solidarity among family members; delivering praise; teaching values to a child; providing the occasion to talk as a way of enacting affection for pets; reinforcing a couple's bond by positioning them as "Mommy" and "Daddy" to their dog; resolving a conflict by conveying and triggering an apology; framing pets as family members; and reinforcing bonds among individuals who live together by exhibiting, reinforcing, and creating their identity as a family» (Путём использования собак как инструмента взаимодействия достигаются в числе прочих следующие цели: изменение течения спора; перевод общения в юмористическую тональность; смягчение критики; упрочение сплоченности членов семьи; похвала; обучение ребёнка простым ценностям; ласка в отношении собаки как повод начать разговор; упрочение связи в паре за счёт обретения ролей «мамы» и «папы» собаки; разрешение конфликта за счёт принесения извинений или вызова к извинениям; включение собаки в число членов семьи и усиление связей между людьми, живущими вместе, путём демонстрации, упрочения и создания их семей-

ной идентификации; перевод мой. – О. Е.) [Tannen 2015: 416–417].

В материалах ОРД находим фрагмент, когда девушка (И72) рассказывает своей кошке про уехавшего друга, выражая тем самым свои собственные чувства:

- *не переживай Мусик // завтра Димыч придет к нам уже;*
- *да(:) // ты / я знаю / соскучилась () по Димычу // конечно;*
- *кош скучает без Димыча / да ?*
- *кош скучает без Димыча³.*

Произнося монолог от лица животного, говорящий иногда объединяет себя со своим питомцем. В таких конструкциях появляется часто встречающееся в общении с животными псевдомножественное число 1 л., вместо 2 л. или 3 л. ед. ч.:

- *о / как мы умеем! мы вот / вот как можем (И35);*
- Такие конструкции широко распространены в устной речи. Так, например, в фильме о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне «Король Шантажа» актёр В. Ливанов произносит:
- *Это Нора! Не бойтесь. Мы очень любим мятные пряники.*

Ролевой элемент в общении

Когда владелец домашнего животного произносит монолог от лица своего питомца, можно говорить о *языковой игре*. При общении с животными распространены различные формы языковой игры. Домашний питомец наделяется при этом некоторой ролью, или «номинацией» [Байкулова 2008]. Ролевой характер имеет, конечно, основания в реальности, но в большой степени здесь имеет место очеловечивание партнёра по коммуникации.

Иногда к животным в семье относятся, как к детям. Особенно часто это бывает, если хозяином животного является одинокий человек, бездетная пара или родители выросших детей. Хозяйева в таких случаях отводят себе роль родителей и называют друг друга *папа* и *мама*:

- ***папа** скоро придёт, с тобой выйдет, а мне уже прямо некогда, честное слово (И24, жен., 63 г., историк);*
- *ах ты / какой **мохнатка-то** / **папу** встречает! (И35);*
- ***мама** не умеет / да ? (И35).*

Согласно Д. Таннен, пара таким образом усиливает связь друг с другом: «reinforcing a couple's bond by positioning them as “Mommy” and “Daddy” to their dog» (упрочение связи в паре за

счёт обретения ролей «мамы» и «папы» собаки; перевод мой. – О. Е.) [Tannen 2015: 417].

В «Записках ветеринара» английского писателя Дж. Херриота есть целый рассказ, построенный на подобной ролевой игре. Героиня рассказа, пожилая, одинокая, состоятельная дама, очеловечивала своего песика. В ее «сценарии» он получил роль немного сварливого, вздорного джентльмена. Она писала письма редактору журнала от имени своего любимца, делала за него ставки на скачках, и он «выигрывал». По ее словам, песик мог обозвать не понравившуюся ему беседку «навозной дырой» и был очень благодарен за лечение «своему дядюшке Херриоту». И т.д., и т.п.

Возможен и еще один ролевой элемент, когда «животному приписываются человеческие характеристики (Петух – щеголь, Кот – бандит, хитрец, льстец, Хомяк – жадина, Попугай – вреднюга ...» (см.: [Яковлева 1998: 403]). В материалах ОРД имеется, например, кот-мыслитель и кот-военачальник, герой:

- *Пушков ! Пуся ! *П Пуся / ты тоже медитациями будешь заниматься ? да / Пушковский ? *П да / Пушков ? (И22, жен., 35 л., филолог, преподаватель);*
- *Дыма молодец ? Бенкендорф (И35).*

Несмотря на то что адресант не получает ответа на свои реплики, общение с животным не всегда можно считать монологом. Часто встречающиеся риторические вопросы являются как бы приглашением к диалогу. Задающий вопрос понимает, что ответа не будет, но всё же делает некоторую подачу, словно играя в диалог:

- *ты кто это ? кто это такой / кусачий кот ? это кто это царапается ? *Н кусается ? кто это царапается ? что за кот такой ? и что за сердитая кошка ? (И22);*
- *зайчик мой / играть хочет / да ? (И35);*
- *Дымочка / *П кто все цветы покусал ? *П кто все цветы разрыл ? (И35);*
- *ты живая вообще ? *П твоя башочка выдержала ? (И72);*
- *вот это / *Н это у тебя такой домик / да ? заяц (И22).*

Разговоры членов семьи с «номинантом» происходят в соответствии с предполагаемым «сценарием», более или менее развернутым. Такое общение может содержать как реплики, производимые участниками общения в определенной тональности, так и целые сцены, разыгрываемые одним или несколькими людьми. Встречаются вербальные (по терминологии М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой) диалоги, в которых ре-

плики подаются говорящим по очереди, то от лица человека, то от лица животного. Животное «реагирует» в соответствии с приписанным ему по ролевому сценарию характером. В одном из примеров из ОРД хозяйка отвечает на вопрос за кошку, используя образ возмущенной кошки-ворчуньи:

- – *страшно было?*
- – *страшно было // конечно // ужасно // просто // дикое издевательство! дикое издевательство над кошкой (И72).*
- Диалог, приведенный ниже, строится так, как будто кошка спорит с хозяйкой по поводу кормления:
- – *что ты сюда пришла? я тебе уже положила всё // у тебя еда уже есть //*
- – *ничего не знаю (И72).*

Иногда в такой сцене участвует один человек, а иногда несколько. Такие сцены могут повторяться изо дня в день и, таким образом, обрести форму штампа (см. описание такой ситуации: [Ермакова 1988: 244]). В записи информанта И72 в ОРД встречается даже пример звукоподражания, «диалог», когда хозяйка передразнивает свою кошку, повторяет ее мяуканье, так сказать, «говорит» на ее языке.

Лексические, морфологические и фонетические особенности общения с животными

В разговорах с животными изобилуют *дими-нутивы*. Уменьшительно-ласкательные суффиксы встречаются как в обращениях к животным, так и в этикетных формулах, им адресованных, а также в названиях окружающих предметов.

Наименования:

- *ты мой хорошенький, красавчик мой маленький, красавчик мой сладкий, зайчик мой, солнышко, кошечка* (разные информанты ОРД).

Этикетные формулы:

- *так ладно // всё Ласка / до свиданьица ! счастливенько (И24);*

Окружающие предметы:

- *иди пей // давай водичку // *П иди сюда // иди сюда / водичку пей // *П давай (И72);*
- *кто свой *П хвостик пожирает // *П да / кошечка ? (И72);*
- *ты видишь / провода / заряжаю телефон // телефончик заряжаю / видишь ? (И35).*
- *он искал свою игрушечку / она туда закатилась (И35).*

Такое словоупотребление характерно и для общения с детьми (baby talk). В этой сфере общения встречается также преобладание императивного стиля, повторы, риторические вопросы. Часто вопросы к ребёнку не являются собствен-

но вопросами, как описано выше в ситуации с животными, не преследуют цели получить информацию и, таким образом, являются не прямым, а косвенным речевым актом.

В описании общения с детьми, сделанном известным специалистом по вопросам детской речи С. Н. Цейтлин, говорится: «У любой матери, воспитывающей малыша, как бы два языка – на одном она говорит со своим ребенком, на другом – со всеми остальными людьми. Если вы прислушаетесь к ее голосу, раздающемуся из соседней комнаты, то всегда сможете определить, говорит ли она со своим ребенком или с кем-то из взрослых» [Цейтлин 2000: 25]. Это наблюдение можно отнести и к разговорам с животными.

Например, запись речевого дня информанта И35 включает общение и с коллегами, и с женой, и разговор с продавцом. Фонетическая форма этих эпизодов контрастирует с тем, как звучит его разговор с котом. Интонация говорящего здесь специфическая, «воркующая». Происходит замена некоторых звуков на другие и изменение качества звуков. Например, в словах *хороший, хорошенький* вместо звука [r] слышится [l]. Палатализируются согласные на месте букв Т, Л и даже Ж в словах *ты, сладкий, мужики*:

- *ну привет / *П привет // *П ты мой сладкий-то;*
- *ух ты мой хороший / *П ты мой хорошенький;*
- *и мы же мужики / друг друга понимаем*
- (см.: [Ермолова 2014: 61]).

В записи информанта И72 встречаются следующие примеры:

- *привет / кошич;*
- *кошич* (удлинение гласных и шепелявый губно-зубной ф-образный звук на месте переднеязычного ш);
- *кто свой *П хвостик пожирает // *П да / кошечка;*
- *да // *П да(:)* (удлинение гласных и палатализация согласных на месте букв Т и Д в словах *кто, да*).

Отношение к животному не как к некоторой объективной данности, а как к абстрагированному образу объясняет, возможно, и тот факт, что в материалах ОРД встречаются случаи игнорирования пола животного. Так, хозяин кота И35, с одной стороны, подчёркивает половую принадлежность своего питомца, которая, вероятно, кажется ему объединяющей их с котом в некое «мужское братство». У него в семье есть союзник, «мужик», который его понимает, и между ними есть нечто недоступное его жене:

- *и мы же мужики / друг друга понимаем;*
- *мама не умеет так делать;*
- *мы знаем / что нам надо;*
- *о / как мы умеем ! а мама не умеет / она (...);*
- *мальчик // мальчик ты / ой // ой // мальчишка ! ты мальчишка ?*
- *играть хочет // играть мой мальчик хочет.*

Для общения информанта с котом характерны следующие обращения, в которых подчеркивается пол животного:

- *мальчик* – 5 раз;
- *мальчишка* – 3-4 раза (один из них: *наступлю на лапу – заплачешь как мальчишка*);
- *мужик* (во фразе *мы же мужики*) – 2 раза.
- С другой стороны, жена информанта И35, не поддерживающая данной игры, употребляет, обращаясь к тому же животному, то мужской, то женский род:
- *ты моя сладкая / любимая / солнышко / ну пусть играет / он искал свою игрушечку / она туда закатилась* (жена И35, 65 л., служащая).

И у другой женщины – И22 – тоже встречается не определенное на вербальном уровне обозначение пола животного. В разных репликах она использует попеременно то мужской, то женский род. Пол животного в сознании владельца не является константой:

- *Пуся / *Н кто это целый день спит ? кто это / целый день храпит ? а что за пушистая кошка ? ой ! пушистая кошка / Пуся / Пушок-лапушок / Пуся ! Пушин !*
- *Пуся !*
- *Пушковский !*
- *Пуся / ты Пушок / белый снежный лапушок ?*
- *моська / Пушок ! Пуся / Пуся белая лапуся / *П кто так / говорит ? кто такой котик хороший ?*
- *Пуся дорогуша;*
- *Пушок ! *П Пушок !*
- *ты кто это ? кто это такой / кусачий кот ? это кто это царапается ? *Н кусается ? кто это царапается ? что за кот такой ? и что за сердитая кошка ?*

Интересно, что иногда не только пол, но и сама суть животного неважна. Человек не столько видит перед собой конкретное существо, сколько реализует свою потребность в общении. Животное выступает как объект некоторых вербальных

проявлений хозяина, обычно эмотивных. Желание проявить свою властность или нежность находит выражение в общении с домашними питомцами. Например, в одной семье охотник, всю жизнь державший собак, но на старости лет оставшийся с кошкой, подзывал её свистом и отдавал команды, употребляемые обычно при дрессировке собак.

На лексическом уровне часто наблюдается обозначение кошек и собак парадоксальными эпитетами. В материале ОРД встречаем: *зайчик, заяц, ласточка* – при обращении к котам и собакам.

Очень выразительны эпитеты, связанные с внешностью животного. Здесь имеет место изобразительное словотворчество говорящих. В записях ОРД встречаются такие оригинальные описательные словоформы, как *бодайчик, мохнатка*, (И35), *упрямстик* (И28 муж., 19 л., студент-историк), *утконос* (И22), *тушкан* (И72):

- *ах ты / какой мохнатка-то / лапу встречается ! (И35);*
- *ой ты какой / ой бодайчик // давай пободаемся ! бодается мой мальчик / ой // так сильно бодает ! (И35).*

Контексты ОРД показывают, что многие эпитеты порождаются в процессе созерцания и осознания животного:

- *– чё вы его так называете ?*
- *– так он утконос ! посмотри какой у него нос-то ! *П во рыло сюда ! как крысолов ! (И28).*

Языковая игра проявляется в словотворчестве, спровоцированном чувствами, которые вызывает питомец у своего хозяина. Это, например, рифмование клички:

- *Пуся / ты Пушок / белый снежный лапушок ? (И22);*
- *Пуся белая лапуся (И22).*

И более расширенно – сочинение шуточных стишков например:

- *Муся, Муся, мой котёнок на меня глядит спросонок* (из семейного фольклора).

Языковая игра проявляется также в создании многочисленных вариантов имени и придумывании прозвищ. Удивительно, как в течение одного дня одно имя кота Дымки было употреблено его хозяевами в 7 вариантах, не считая повторов *Дыма-Дыма* и *Дымка-Дымка*:

- 1) *Дыма*: 14 раз
- 2) *Дымочка*: 6 раз
- 3) *Дымка*: 5 раз
- 4) *Дымуля*: 1 раз
- 5) *Дымулька*: 1 раз
- 6) *Дымулечка*: 1 раз

7) *Дымуленька*: 1 раз.

Кота Пушка называют пятью разными вариантами его имени, не считая таких обращений, как *Пушистая кошка* (2 раза) и *Пушистый кот* (1 раз):

- 1) *Пуся*: 9 раз
- 2) *Пушков*: 4 раза
- 3) *Пушок*: 3 раза
- 4) *Пушин*: 2 раза
- 5) *Пушковский*: 2 раза.

Наиболее часто повторяющимися вариантами кличек и в первом, и во втором случаях являются короткие и простые, без уменьшительно-ласкательных суффиксов (*Дыма* и *Пуся*).

Эмотивная функция общения с животными

Во многих статьях о контакте людей и животных упоминается расслабление и снятие напряжения как прагматическая цель такого разговора, ср.: «Стремление к приручению, одомашниванию животных и совместной жизни с ними, первоначально обусловленное чисто утилитарными потребностями охотничьего, скотоводческого, земледельческого хозяйства, войны и путешествий, стало затем *бескорыстным* (курсив автора. – О. Е.), основанным – особенно у одиноких людей – на желании иметь рядом преданного друга, с которым можно поделиться своими переживаниями, который всегда тебя поймет, посочувствует, защитит» [Каган 1988: 223]; «В этом общении человек отдыхает, снимает напряжение, расковывается. Он может говорить любые глупости, не контролируя себя» [Ермакова 1988: 244].

В материалах ОРД часто встречается подтверждение этого наблюдения. Так, хозяйка кошки (И72) создает варианты нейтральной словоформы *кошка*, такие как *кошечка*, *кош*, *коша*, желая, вероятно, эмоционально выделить свое обращение. При встрече, произнося слово *кошечка*, она повторяет его 7 раз. Позже И72 в такой же ситуации 4 раза повторяет сконструированное ею слово *кош-массаж*. В данном случае эти повторы, вероятно, сопровождает поглаживание. Здесь повторы в прагматическом плане сродни физической ласке, они доставляют удовольствие и адресату, и адресанту, но не на тактильном, а на вербальном уровне.

Люди трогают, рассматривают своих питомцев, демонстрируют их:

- *смотри морда какая* (И28);
- *подожди / когти вытеру** / *П подожди *Пуся* / что ты () морщишься? всё (И28);
- *потерял где-то зуб* // *П сейчас развернётся / я тебе покажу / ой какие лапки (И28);

- *да у него не эта лапа-то болела* / *П но вот эта / как ка... то ли правая (И28);
- *вот какие у тебя усы / конечно / не то что у вашего* / (И22);
- *ну да / кот такой (...) солидный ... ой / твёрдый !... ну так это у него позвоночник* // @ ой / *П ты знаешь / что потрогай? @ а нет / это мыш... .. @ ты потрогай плюшевую грудь! ... это мыш... мышца такая (И4, жен., 34 г., лингвист);

Большое значение в общении с домашними питомцами придаётся этикетным моментам. Когда хозяин входит в дом, то питомец встречает его и провожает, когда тот уходит. Хозяин здоровается при встрече, прощается при расставании. Иногда почти всё общение сводится только к этому. Так, И24 не вступает с собакой в эмоциональный контакт на протяжении всего эпизода общения. Но, уходя, прощается с ней.

- *так ладно* // всё *Ласка* / до свиданьца! *счастливенько** / *П *оставаться* / *П *глупая собака*.

Отношения И35 с котом Дымкой эмоционально очень тёплые. Хозяин нежно здоровается со своим питомцем:

- *ну привет, привет ты мой сладкий-то*.

И72 приветствует кошку утром и вечером (*спокойной ночи, доброе утро, кошечка*) и так долго прощается с ней, что, кажется, не может уйти, не завершив прощания:

- *кошечка* / *П я ухожу // кошечка // *П кошечка // пока // да / бежит меня провожать / моя хорошая // *П да(:) // пока / мой сладкий // пока / мой сладкий котёнок.

«Стиль разговоров с животными может соответствовать общей речевой манере человека, а может контрастировать с ней» [Ермакова 1988: 246]. И в самом деле, одни и те же люди в одном эпизоде обращаются к своим питомцам то очень ласково, то не характерно для себя, грубо. На материале записей ОРД можно заметить, что в разговоре с людьми эти же информанты более сдержанны, чем в обращении к животному. Перепады настроений и вытекающее из этого изменение стиля общения свидетельствуют о снятии контроля над речью, эмоциональной расслабленности. Ниже приведены примеры реплик трех информантов из ОРД (И72, И35 и И28), где в левой колонке находятся примеры их грубого

обращения к кошкам, а в правой – намного более мягкого:

- что ты воешь ? (И72)
- кошка / иди вон // иди вон давай (И72)
- ты вообще засрань (И72)
- посрала / гадина ? (И72)
- что ты орёшь ? (И72)
- Дыма / пошёл / пошёл отсюда ! (И35)
- так ты опять жрать хочешь да? *П дрянь такая! (И28)

Нередко в общении с животными (или при комментировании поведения животных) люди используют дисфемизмы, грубые обращения и грубый тон. В материалах ОРД встречаются следующие обращения такого рода: *паразит, наглая рыжая морда девятикилограммовая, кошак, дрянь такая, гадина, чудовище*, а также глаголы *жрать, клячнить, орать, посрала, выть*.

Нельзя сказать, что эти словоупотребления характеризуют человека или его отношение к своему питомцу. Вероятнее, здесь имеет место расширение стилистического диапазона, объясняемое эмоциональной раскрепощенностью говорящего. Так, Е. С. Яковлева в статье «Человек <=> животное: взаимные языковые проекции» приводит интересные наблюдения над лексической базой для описания человека и животного в историческом аспекте [Яковлева 1998]. Автор пишет, что изначальная антропоцентричность языка со временем претерпевала изменения. Многие слова, воспринимаемые сейчас как зооморфизмы, в древнерусском языке таковыми не были. Приводятся в качестве примеров *лаяти*, имеющее изначальное значение ‘бранить, наветовать, клеветать’, *рыкати* – ‘стонать, рыдать’. Эти слова, употребляемые в древнерусском языке как антропоморфизмы, в современном русском стали зооморфизмами, ср.: «Зооморфный языковой код сложился не сразу. К примеру, слово *лапа* до XVII века не встречается в русских памятниках» [Черных 1994, I: 466].

В плане синхронии Е. С. Яковлева отмечает, что для описания животного характерен нейтральный стиль: «Малейшее отклонение от нейтрального в область экспрессии маркирует языковую форму человеческим содержанием» [Яковлева 1998: 413]. Однако «если животное мыслится как партнер языковой коммуникации (аналог человека), оно может выступать в качестве объекта языковой экспрессии, иронии (*Барсик умудрился съесть целую тарелку этой дряни*), эвфемистических замен (*Что-то наш кролик*

- доброе утро // кошечка (И72)
- коша / ты соня // ты сонька // сонька (И72)
- да ты мой сладкий такой / смешной // *П сладкий кош (И72)
- Дымочка / не мешай / я сейчас (И35)
- сейчас развернется / я тебе покажу / ой какие лапки (И28)
- хромал на переднюю лапку (И28)

поправился вместо: *потолстел*) и языковой игры» [там же].

В материалах ОРД встречаем подтверждение этих наблюдений. Информанты употребляют стилистически выпадающие из зооморфного кода слова, желая придать своей речи дополнительную эмоциональную окраску, ср.:

- твоя *башочка* выдержала (И72);
- давай *ногти* стричь (И72);
- на лапу наступлю / *В *П всё // заплачешь как (...) *В *П мальчишка // (И35).

Приведённые выше в качестве примеров дисфемизмов слова *орать* и *выть* в зависимости от контекста можно отнести и к зооморфизмам.

Заключение

Наблюдения за общением людей с животными, в основном хозяев с домашними питомцами, показывают, что эта коммуникативная сфера характеризуется повышенной эмотивностью. Человек по-разному говорит с животным и с человеком. В разговоре с животным люди, не ожидая ответа на свои реплики, часто сами себе отвечают. В таком общении человек более расслаблен, так как общение не несет информативной функции. Адресант не оказывается в жестких рамках контакта с определенным адресатом. В этой ситуации партнер неопределен настолько, что качества его могут создаваться или, точнее, корректироваться фантазией говорящего. В некоторой степени человек сам создает себе образ партнера. Разговор человека и животного характеризуется употреблением эмоционально окрашенной лексики, большим количеством повторов, риторических вопросов, высокой вариативностью словоформ, особенно вариантов имен собственных, изменением интонации и некоторых звуков.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

² В атрибуции примеров указывается номер информанта, а также при первом упоминании его

социальные характеристики – пол, возраст, профессия или род занятий. О специфике орфографического представления материала см.: [Шерстинова и др. 2009].

³Имена собственные в примерах, взятых из корпуса ОРД, изменены, за исключением тех случаев, где изменение повлекло бы за собой другую трактовку материала.

Список литературы

Баева Е. М. О способах социолингвистической балансировки устного корпуса (на примере «Одного речевого дня») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4 (28). С. 48–57.

Байкулова А. Н. Речевое общение в семье: роль в нём животных, растений и предметов вещного мира // Изв. Саратов. ун-та. Т. 8. Сер.: Филология. Журналистика. 2008. Вып. 2. С. 14–20.

Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015 (в печати).

Ермакова О. П. Разговоры с животными (лингвopsихологические заметки) // Разновидности городской устной речи: сб. науч. ст. / под ред. Д. Н. Шмелёва и Е. А. Земской. М.: Наука, 1988. С. 240–247.

Ермакова О. П. Речевой портрет собаки // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 94–104.

Ермолова О. Б. «Один речевой день» говорящего с точки зрения прагматики // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 21–31.

Каган М. С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319 с.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.

Панов Е. Н. Сигнализация и «язык» животных (эволюционные аспекты поведения животных). М.: Знание, 1970. Вып. II. С. 3–30.

Сиротинина О. Б. Речевой портрет собаки: иллюзия или реальность? // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999. Вып. 28. С. 167–174.

Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 240 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1994. Т. 1–2. 1182 с.

Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (16-20 марта 2009 г.). СПб.: Фак-т филологии и искусств С.-Петербург.ГУ, 2009. С. 66–75.

Яковлева Е. С. Человек <=> животное: взаимные языковые проекции // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 402–416.

Tannen D. Talking the Dog: Framing Pets as Interactional Resources in Family Discourse. URL: http://faculty.georgetown.edu/tannend/pdfs/talking_the_dog.pdf (дата обращения: 08.2015).

References

Baeva E. M. O sposobakh sotsiolingvisticheskoj balansirovki ustnogo korpusa (na primere «Odnogo rechevogo dnja») [On Means of Sociolinguistic Balancing of a Speech Corpus (through the example of «One Speaker's Day»)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 4 (28). P. 48-57.

Bajkulova A. N. Rechevoe obshhenie v sem'e: rol' v njom zhivotnykh, rastenij i predmetov veshhnogo mira [Speech Communication in a Family: the Role of Pets, Plants and Inanimate Objects in it]. Izvestija Saratovskogo universiteta. [Izvestia of Saratov University. Vol. 8. Series: Philology. Journalism]. 2008. Iss. 2. P. 14-20.

Bogdanova-Beglarjan N. V., Asinovskij A. S., Bli-nova O. V., Markasova E. V., Ryko A. I., Sherstino-va T. Ju. Zvukovoj korpus russkogo jazyka: novaja metodologija analiza ustnoj rechi [Speech Corpus of the Russian Language: New Methodology of Spoken Speech Analysis]. Jazyk i metod: Russkij jazyk v lingvisticheskikh issledovanijakh XXI veka [Language and Method: the Russian Language in Linguistic Research of the XXI Century]. Iss. 2. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015 (in print).

Chernykh P. Ja. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka [The Historic and Etymological Dictionary of the Contemporary Russian Language]. Vol. 1-2. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1994. 1182 p.

Ermakova O. P. Razgovory s zhivotnymi (lingvopsikhologicheskie zametki) [Conversations with Animals (Linguistic and Psychological Notes)]. Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi. Sbornik nauchnykh statej [The Varieties of Urban Spoken

Speech. Collected scientific articles]. Moscow: Nauka Publ., 1988. P. 240-247.

Ermakova O. P. Rechevoj portret sobaki [The Speech Portrait of a Dog]. Liki jazyka. K 45-letiju nauchnoj dejatel'nosti E. A. Zemskoj [Faces of the Language]. Moscow: Nasledie Publ., 1998. P. 94-104.

Ermolova O. B. «Odin rechevoj den'» govornjashhego s tochki zrenija pragmatiki [Pragmatics of "One Speaker's Day"]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 3(27). P. 21-31.

Jakovleva E. S. Chelovek <=> zhivotnoe: vzaimnye jazykovye proektsii [A Man <=> an Animal: Mutual Linguistic Projections]. Liki jazyka. K 45-letiju nauchnoj dejatel'nosti E. A. Zemskoj [Faces of Language]. Moscow: Nasledie Publ., 1998. P. 402–416.

Kagan M. S. Mir obshhenija. Problema mezhsjubektnykh otnoshenij [The World of Communication. The Problem of Intersubjective Relations]. Moscow, 1988. 319 p.

Kitajgorodskaja M. V., Rozanova N. N. Rech' moskvichej. Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt [The Speech of Moscow Citizens. Communicative and Cultural Approach]. Moscow: Russkie slovari Publ., 1999. 396 p.

Panov E. N. Signalizatsija i «jazyk» zhivotnykh (evol'ucionnye aspekty povedenija zhivotnykh) [Signaling and Animal Language (Evolutionary Aspects

of Animal Behavior)]. Iss. II. Moscow: Znanie Publ., 1970. P. 3-30.

Sherstinova T. Ju., Ryko A. I., Stepanova S. B. Sistema annotirovanija v zvukovom korpusе russkogo jazyka «Odin rechevoj den'» [The Annotate System in the Speech Corpus of the Russian Language "One Speaker's Day"]. Formal'nye metody analiza rechi. Materialy XXXVIII mezhdunarodnoj filologicheskoi konferentsii [Formal Methods of Speech Analysis. Proceedings of the XXXVII International Philological Conference]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2009. P. 66–75.

Sirotinina O. B. Rechevoj portret sobaki: ill'uzija ili real'nost'? [The Speech Portrait of a Dog: an Illusion or Reality?]. Voprosy stilistiki: Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov [The Issues of Stylistics: a Collection of Research Papers]. Saratov, Iss. 28, 1999. P. 167-174.

Tannen D. Talking the Dog: Framing Pets as Interactional Resources in Family Discourse. Available at: http://faculty.georgetown.edu/tannend/pdfs/talking_the_dog.pdf (accessed 08.2015).

Tsejtlin S. N. Jazyk i rebjonok: Lingvistika detskoj rechi: Uchebnoe posobie dlja studentov vysshikh uchebnykh zavedenij [Language and a Child: Linguistics of Children's Speech: a Course Book for Students of Higher Educational Institutions]. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS Publ., 2000. 240 p.

LINGUISTIC FEATURES OF HUMAN-TO-PET COMMUNICATION

Olga B. Ermolova

Head of Branch Office

Department of Extended Study Programmes in Oriental Studies, Arts and Philology
Saint Petersburg State University

In everyday life a person often communicates with a number of addressees, including those that are not quite usual. Talking to such an unusual addressee, the speaker does not receive a verbal reply. However, this does not keep people from talking to non-responsive communicants. There is a number of research papers devoted to this issue. The main findings so far are reviewed in the article being illustrated with examples from one of the modules of the «One Speaker's Day» corpus of the spoken Russian language (ORD). The principal aim of the researchers created this module was to investigate speech behaviour of native Russian speakers using the method of 24-hour continuous stream recording. Thus, there is a possibility to recreate and study communication of various social (gender, age, and professionally-oriented) groups during a single day. On the day of recording volunteers of the project may be talking to their colleagues and friends, their students and teachers, family members and fellow commuters; they talk in the street, at work, in stores, at pharmacies, while travelling etc. The list of their unusual communicants includes cats and dogs, plants, furniture, computers, cars. The article focuses on conversations with pets. The speakers labeled in the ORD corpus as I22, I24, I28, I35, I72 are two males and four females. Their communicants are five cats and a dog. The article also highlights the common patterns of a particular speaker's speech behaviour while conversing with pets and children and describes trends in their talking to adults. It also examines possible motives stimulating speech contacts with unusual communicants.

Key words: speech corpus; colloquial speech; communication; role behaviour; talking to animals; talking to children; monologue; dialogue; Russian language.